

Станиславу Семеновичу Шварцу, академику-экологу, основателю первого в стране Института экологии растений и животных, 1 апреля исполнилось бы 65 лет... Это был ученый, мысли которого оказали решающее воздействие на экологическую науку, но который при этом не относился к узким специалистам, одержимо стремящимся любой ценой достичь цели. Его всегда волновала человеческая сторона работы исследователя...

КТО-ТО из друзей детства ученого рассказал мне такой любопытный случай. Десятилетний Шварц, дело было в лесу, забрался на дерево, вел себя шумно, что-то кричал мальчишкам, а потом вдруг там, среди ветвей, смолк — или что-то увидел, или задумался над чем-то. Спустившись с дерева, он сказал, что на верху его охватило странное чувство, ну, будто он когда-то давным-давно был птицей... Он был смущен, изумлен этой мыслью.

Мне вспомнилось это, когда я брал в руки роскошный том, изданный в Милане. Книга хранится в семье академика Шварца. Это биографический справочник, в который занесены четыре тысячи знаменитых ученых и инженеров мира, творивших в последние сто лет. Среди нескольких имен советских биологов есть имя Шварца, его короткая биография, у многих из знаменитостей редакторы взяли также и фотографии. Шварц, как вспоминают его близкие, так и не нашел времени подобрать фотокарточку. С сожалением не находишь ее теперь в этой мемориальной книге, и в то же время возникает чувство гордости за своего героя, его скромность во всех мелочах была неподдельной. Он и свои статьи часто писал на обратной стороне старых черновиков или каких-нибудь канцелярских документов.

Когда думаешь о природе человеческого таланта, формальная логика плохо помогает, так много неуважимого! Не лучше ли применить метафоры... Наука подобна птице, которая то бегает по земле в поисках фактов, то взмывает ввысь обобщений. Теоретику экологии Шварцу были ведомы эти взлеты, у него были большие и сильные крылья. И люди науки, почему я был неоднократно свидетелем, с восхищением следили за полетом его мысли.

Вспоминается выступление Шварца, сделанное им за несколько месяцев до кончины. Оно было исполнено мужественного оптимизма, веры в разум человека. «Обезьяна приспособливается к среде, а человек приспособливает ее к себе», — говорил Шварц. — Беда только в том, что человек делает отступления от стратегии поведения в природе. Неважно, лесник ли убил зайца или министр позволил строить завод без очистных сооружений, — оба они отступили от генеральной линии поведения человека в природе. Напрасные это надежды: изъять из человеческого природопользования большие участки суши или акваторий, чтобы заповедовать их. Главное вообще не в том, чтобы выхватывать из-под колес техничес-

кой цивилизации еще уцелевшие в почти первозданном виде уголки живой природы, а в том, чтобы разумно пользоваться природой повсюду».

Почему ему писали письма со всей страны и даже из-за рубежа с просьбой позволить поработать в институте хотя бы два-три месяца? Не только потому, что круги от его книг, статей и докладов расходились широко. Они были на слуху у биологов.

Что это — от таланта. Однако не всякий талантливый человек воодушевлен желанием поднять выше не только свою личную работу, но все то дело, которому служит. Ораторские способности Шварца применял в деле созидания современной экологии. А не сами по себе без дальней цели. И эта нацеленность Шварца передавалась людям, и они хотели к нему приехать поработать, хотя бы на несколько недель. Их притягивала искренность его заботы о науке. Один зоолог написал как-то Шварцу: «Даже об известном Вы пишете такими энергичными формулировками, что хотелось бы их всегда иметь под руками».

Как-то в разговоре с дочерью Шварц пошутил, что

А на трех коровах большую науку не сделаешь. Были в тот период, ясное дело, и удачи. З. А. Демидова изобрела антисептик, предохраняющий древесину от гниения. И. И. Орлов разработал метод подсочки деревьев, щадящий леса и дающий много живицы. Канифоль, получаемая из живицы, была нужна оборонной промышленности.

Затем агрономы и зоотехники выделились из института. С годами девизом биологов становилось комплексное изучение природы. Нужны были экологи. И Шварц, став директором, взялся соткать то, что называется коллективным творчеством. Этому делу не учат, но ему учатся.

Говоря языком научным, коллектив ученых должен быть обязательно разнокачественной популяцией, сплетением индивидуальностей. Лишь тогда он встретит достойно самые разные проблемы. Без преувеличения, организация науки — это высшая форма научного творчества, требующая всего человека, всех его способностей. Каждое слово и взгляд директора значимы... Не говоря о поступках. Если Шварц уважительно и подолгу разговаривал с институтским вахтером, участником войны, то, наверное, это не осталось незамеченным молодыми. Если Шварц, приехав в Свердловск, шесть лет был без квартиры (снимал комнатку, жил прямо здесь, в институте), то, наверное, этот факт его биографии как-то сказался на других биографиях.

Организуя школу уральских экологов, Шварц, конечно, видел и таких исследователей, которые способны сами стать организаторами науки. И теперь директор Института экологии растений и животных Уральского научного центра Академии наук СССР — один из учеников, соратников Шварца Владимир Николаевич Большаков. Всегда бодрый, энергичный человек. Видный зоолог страны, он избран членом — корреспондентом Академии наук СССР. Кроме прямых директорских обязанностей, у него уйма иных забот. Однако перегрузки, очевидно, выдерживает неплохо — идут годы, а в коллективе та же атмосфера. Институт, созданный Шварцем, и сегодня достойно работает в отечественной экологии...

ШВАРЦ не дописал этой книги. В авторской заявке, посланной в издательство, он дал ей название «Стратегия жизни». В книге рассматриваются основные положения современного учения о биосфере... «В отличие от большинства книг по сходной проблематике будет дан анализ эволюции биосферы как комплексного явления», — писал Шварц. Закончить эту книгу не хватило сил, вернее — жизни... Он диктовал, задыхаясь. Делал передышки. И однажды взял томик Брюсова и начал читать вслух стихотворение «Жизнь». Любимые молоду строки о нескончаемой жатве жизни:

Прильнули к толще скал,
к потокам припаду ли,
В земле и в воздухе,
как стуком молотков,
Мне отвечает жизнь,
и в неумолчном гуле
Ее живых работ мир
неизменно нов!

Читая его, Шварц дрогнул, он как бы попрощался тогда с великим зреющим Природы...

Ю. ЛИПАТНИКОВ.

• Страницы истории

Жатва жизни

Наверное, еще из-за того к нему ехали люди издалека, что он делал науку на добре человеческой основе. В этом его качестве невозможно было обмануться.

Однажды, это было месяца за три до кончины Станислава Семеновича, я присутствовал на общем собрании научных сотрудников зоологического отдела, которым руководил Шварц. Был с магнитофоном и могу точно воспроизвести, как он умел окрылить молодого исследователя. Шварц говорил: «Некоторые работы я считаю совершенно выдающиеся интересу, а другие — слабее, это как всегда бывает. Вообще так я никогда не делаю, и это не принято у нас говорить, какой доклад — самый интересный, но, мне кажется, что сегодня самый интересный доклад — Оленева-младшего... То, что он выкопал в этом году, представляет собой совершенно принципиальный интерес, и главное — это программа большой работы».

В институте мне рассказали об одном характерном случае. Сюда хотел поступить на работу один уже в общем-то опытный научный работник. Его решили послушать. Предложили сделать доклад. Он доложил, но уж очень как-то амбициозно, речь — усложненная.

Шварц его спросил:
— А что вы хотели сказать?

Тот объяснил, но опять не понятно.

— Молодой человек и старик парятся в бане одинаково. Старик может погибнуть от такой перегрузки... Это вы хотели сказать? — спросил опять Шварц.

— В принципе — да...

— Так в чем же дело? Почему у вас не понятно?..

Возможно, были еще какие-то «но», Оленев сейчас все в точности не помнит, но того человека в институт не взяли.

ГДЕ ИСТОК сил в ученом, стремящемся к тому, чтобы всегда, в любой аудитории его слова были предельно ясны? Разумеется,

трудно придется его биографу, так как ничего эффективного в его жизни не происходит. Верно, Станислава Семеновича не отнесешь к людям, с которыми непременно случалось что-нибудь из ряда вон выходящее, разные там занятые истории. У него был другой характер. Нет, он не берег себя, а надо сказать так: он берег экологию. И старался избегать всего того, что около науки, хотя какое-то влияние на нее и имеющее. По крайней мере, он не стал бы защищать экологию от художественного фильма, в котором биолог показан в черных красках, не стал бы тратить на это эфир.

Есть такие птицы — крачки. Они умеют защищать свою территорию. Прогонят и ворону, и зайца, и даже человека. Боевые птицы. Шварц был бы огорчен, если бы его коллеги столь же шумно настаивали на праве высказывать истины в последней инстанции, к примеру, даже по острым проблемам охраны природы. Он понимал: здесь нужен всенародный голос. И всегда находил время для человека любой специальности, озабоченного происходящим в природе.

ИНСТИТУТ биологии Уральского филиала Академии наук создавался, когда еще шла война и был в силе лозунг «Все для фронта, все для победы!» На Урал звакуировалось немало заводов. Пресс на природу резко усилился. Теряли лес, пахотные земли. Загрязняли Чусовую. Было не до осторожностей — война. И все-таки надо было подумать о рациональном использовании природных ресурсов хотя бы для того, чтобы накормить увеличившееся население. А исследователей-биологов — нет. Так родилась мысль организовать институт. Первые годы в нем было много агрономов и зоотехников, и он стал по существу сельскохозяйственным. Однако не было экспериментальной базы, процветало элементарное опытничество.